Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 113–130.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 113–130.

Научная статья
УДК 821.161.1.09"19/21"
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-9
https://elibrary.ru/opkpod

«Усадьба-ковчег-корабль»: гетеротопия дома в усадебно-дачном мифе А. Г. Битова

Елена Юрьевна Кнорре
Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия
lena12рк@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3272-8659

Аннотация. Статья посвящена исследованию гетеротопии дома в «усадебном сверхтексте» А. Г. Битова, создаваемом на русско-евразийской цивилизационной платформе. На материале сборника ранних повестей А. Г. Битова «Дачная местность» (1967), романов «Пушкинский дом» (1964–1971) и «Улетающий Монахов» (1990), вошедших позднее в состав тетралогии «Империя в четырех измерениях» (1960–2011), исследуется усадебно-дачная топика А. Г. Битова, ставшая основой «криптоусадебной мифологии» писателя, где объединяется традиционный «усадебный миф» Серебряного века с его элегическими мотивами тоски по раю и «усадебный топос» советского времени, в основе которого архетип «города-сада», мечта об идеальной «коммуне-соборе» как пространстве идеального общежития народов на земле. Делается вывод, что усадебно-дачный миф в произведениях А. Г. Битова оформляется как часть нарратива собирающей культурной памяти, в которой пересекаются пространственные и временные горизонты личной истории героя, а также истории России. Топика дома и сада в страннических сюжетах А. Г. Битова, маршруты которых простираются от Ташкента до Хабаровска, объединяет Узбекистан, Грузию, Армению советского времени в пространство «одной страны». Гетеротопия усадьбы-дачи в неореализме А. Г. Битова строится на основе диффузии культурных концептов Европы и Азии, а также включает в себя архетипы «леса», «дома-корабля», «ковчега-собора», «дома-органа», «сада», «родословного древа», «империи» как собирания земель и народов в единое географическое и культурное целое.

Ключевые слова: А. Г. Битов, «усадебный миф», «гетеротопии усадьбы и дачи», «усадебность», «криптоусадебная мифология», петербургский текст, китежский миф

Благодарность. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала» (рук. О. А. Богданова), https://rscf.ru/project/22-18-00051/

Для цитирования: Кнорре Е. Ю. «Усадьба-ковчег-корабль»: гетеротопия дома в усадебно-дачном мифе А. Г. Битова. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 113–130. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-9; EDN: OPKPOD

© Кнорре Е. Ю., 2026

“Estate-Ark-Ship”: The heterotopia of the home in A. G. Bitov’s estate-dacha myth

Elena Yu. Knorre
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
Lena12рк@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3272-8659

Abstract. This article examines the heterotopia of the home in A. G. Bitov’s “estate supertext”, created on the Russian-Eurasian civilizational platform. Drawing on Bitov’s early short story collection, “Dacha Neighborhood” (1967), and the novels “Pushkin House” (1964–1971) and “The Flying Monk” (1990), which later formed part of the tetralogy “Empire in Four Dimensions” (1960–2011), this article explores Bitov’s dacha-estate theme, which became the basis for the writer’s crypto-estate mythology, combining the traditional 19th century estate myth with its elegiac motifs of longing for paradise and the nostalgic topos of the Soviet era, based on the archetype of the “garden city,” the dream of an ideal “commune-cathedral” as a space for the ideal community of peoples on earth. It is concluded that the estate-dacha myth in Bitov’s works is framed as a narrative of a gathering cultural memory, in which the spatial and temporal horizons of the protagonist’s personal history intersect, as well as those of Russian history. The theme of house and garden in Bitov’s travelogues, whose routes stretch from Tashkent to Khabarovsk, unites the spaces of Soviet-era Uzbekistan, Georgia, and Armenia into a single space of “one country”. The heterotopia of the estate-dacha in Bitov’s neorealism is constructed on the basis of the diffusion of cultural concepts from Europe and Asia and also incorporates the archetypes of the “forest,” “ship-house,” “ark-cathedral”, “organ-house”, “garden”, “family tree”, “empire” as the gathering of lands and peoples in a single geographical and cultural whole.

Keywords: A. G. Bitov, estate myth, heterotopia of estate and dacha, estateness, crypto-estate mythology, St Petersburg text, Kitezh myth

Acknowledgments. The research was carried out at the IWL RAS at the expense of the grant of the Russian Science Foundation, no. 22-18-00051-P “Estate and Dacha in Russian Literature of the 20th – 21st Centuries: The Fate of the National Ideal” (project manager O. A. Bogdanova), https://rscf.ru/project/22-18-00051/

For citation: Knorre E. Yu. “Estate-Ark-Ship”: The heterotopia of the home in A. G. Bitov’s estate-dacha myth. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 113–130. (In Russ.) https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-9; EDN: OPKPOD

Введение

Исследование «усадебного топоса» в период упразднения традиционной владельческой усадьбы Серебряного века актуализирует различение терминов «усадебного текста» (термин введен В. Г. Щукиным в 1990-е гг. по аналогии с «петербургским текстом» В. Н. Топорова), в основе которого элегически-идиллический миф «дворянского гнезда», и «усадебного сверхтекста», который О. А. Богданова предлагает наполнить семантикой, «релевантной новому качеству “усадебной” литературы XX и начала XXI в., обращенной или к переформатированным в новых социокультурных условиях, или к отсутствующим усадьбам»[1]. Как отмечает О. А. Богданова, во второй половине XX столетия «при увеличивающейся дистанции по отношению к аутентичным владельческим усадьбам Золотого и Серебряного веков и, главное, к их

[1] *Богданова О. А.* Невидимые звенья «усадебного сверхтекста». *Вестник славянских культур,* 2023, т. 69, с. 224. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-224-236; EDN: DPNSMQ

литературным отражениям, приобретает актуальность термин “усадебность”, маркирующий окончательный переход традиционной “усадебной культуры” в ментальное измерение – сферу культурной памяти, этической и эстетической идеализации, национальных архетипов»[1]. Помимо «усадебности», инструментами анализа «усадебного сверхтекста» в его новом понимании становятся категории «усадебного габитуса» и «криптоусадебной мифологии»[2].

В предлагаемой статье с помощью структурно-семантического метода исследования на примере усадебно-дачной топики и мифопоэтики в творчестве А. Г. Битова 1960–1990 гг. рассматривается реализация «внутренних сценариев» русской «усадебной культуры» XIX – начала XX в., составляющей ядро «усадебных» произведений А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, И. А. Бунина и др., ставшей основой «криптоусадебной мифологии» в советскую эпоху.

Основная часть

«Четыре окна открывались на все четыре стороны света»
А. Г. Битов

Меридианы «одной страны»

В советской литературе 1920–1980-х гг. происходит реактуализация «усадебного топоса»: усадебно-дачные мотивы становятся частью художественного языка позднесоветского времени, создавая своеобразный палимпсест традиционного усадебного мифа XIX в. с его элегическими мотивами тоски по раю и ностальгического топоса советского времени, в основе которого архетип «города-сада», мечта об идеальной «коммуне-соборе» как пространстве идеального общежития народов на земле. Особым образом этот процесс проявляется в различных направлениях советской литературы – от произведений с элементами соцреализма, где усадебные мотивы становятся частью аллюзийного слоя, отсылающего к культуре XIX в. и составляющего преемственную с нею связь (Н. А. Островский «Как закалялась сталь», М. Горький «Жизнь Клима Самгина», А. П. Гайдар «На графских развалинах», А. Н. Рыбаков «Бронзовая птица» и др.)[3], до неореализма позднесоветского времени. Можно найти

[1] *Богданова О. А.* Феномен «усадебности» и контекстуальный подход к литературной усадьбе начала XXI в. *Ученые записки Орловского государственного университета,* 2024, № 2 (103), с. 158. https://doi.org/10.33979/1998-2720-2024-102-2-157-160; EDN: GQENWG

[2] *Богданова О. А.* Невидимые звенья «усадебного сверхтекста». *Вестник славянских культур*, 2023, т. 69, с. 224. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-224-236; EDN: DPNSMQ

[3] См. подробнее: Богданова О. А. Готический модус и криптоусадебная мифология в литературе СССР (А. П. Гайдар и др.). Богданова О. А. *Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность,* ответственный редактор М. В. Скороходов. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2024, с. 83–105; Кнорре Е. Ю. Усадьба-санаторий и город-сад: «счастливые пространства» в романе Н. А. Островского «Как закалялась сталь». *Studia Litterarum*, 2024, т. 9, № 3, с. 328–345. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-328-345; EDN: NGAGMM; Кнорре Е. Ю. Неомифология усадьбы в романе А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина». *Вестник Костромского государственного университета*, 2025, т. 31, № 3, с. 19–26. https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-19-26; EDN: IZVRGJ

глубинную общность усадебной топики и мифологии в разных изводах неореализма в советской литературе 1920–1980-х гг.: от ностальгии и ее творческого преображения в произведениях раннесоветского времени и первой волны русской эмиграции до переживания дома-усадьбы как многоуровневой реальности в культурно-географическом целом единой евразийской цивилизации, включающей метафизические странствия героя в произведениях позднесоветского времени.

Неореализм 1960–1980-х (А. Г. Битов, Ю. В. Трифонов, А. И. Солженицын, В. С. Маканин и др.) разворачивает переживание дома как подлинной реальности в пространстве собирающей культурной памяти, как единства географической и метафизической родины, объединяющей топику многонационального советского государства.

В основе неореализма А. Г. Битова – представление о пространстве и времени, которые расщепляют бытие человека, заслоняя от него подлинную реальность, а память возвращает на «родину», собирает распавшееся целое. Путешествия А. Г. Битова становятся частью традиции русских странствий, собирающих разные полюса земли в чувстве единой родины. В его произведениях реальная география преломляется в неореалистическом фокусе в пространстве надысторической памяти, где топосы леса, дома, сада, родословного древа объединяют «родное и вселенское» пространства личной судьбы и пространства общего дома – в истории России: «И не уверен я, что в моем лице путешественник сильно отличается от бродяги. Потому что бродягой я и был на самом деле. Был странствующим таким суфием. Смотрел на жизнь как на странствие и свою страну видел как чудо. Задолго до того, как все начало рушиться, я уже знал, что империя – это то, что надо успеть разглядеть. Это я знал начиная с 70-го года»[1].

Вместе с тем путешествие у А. Г. Битова включает семантику возвращения с ее аллюзийным библейским слоем – возвращения блудного сына в дом Отца, покаянного внутреннего обращения человека и человечества, обретающего вновь родину. В связи с этим актуальным представляется исследование романов-странствий А. Г. Битова в оптике усадебно-дачного мифа писателя, объединяющего мотивы странствия и возвращения героя в «событийной схеме инициации» (В. И. Тюпа), состоящей из нескольких фаз: фаза обособления, фаза (нового) партнерства, когда «действующее лицо часто подвергается разного рода искушениям»; «лиминальная» (пороговая) фаза испытания смертью, которая «может выступать в архаических формах ритуально-символической смерти героя или посещения им потусторонней “страны мертвых”»; фаза преображения – символическое «новое рождение», которое «сопровождается возвращением героя к месту своих прежних, ранее расторгнутых или ослабленных связей, на фоне которых и акцентируется его новое жизненное качество»[2].

Рассмотрим пространственные модусы топоса дома (дачи-усадьбы) в странниче-ских сюжетах А. Г. Битова на примере сборника повестей «Дачная мест-

[1] Смирнова Н. Бродяга. *STORY. Интернет-журнал.* URL: https://story.ru/istorii-znamenitostej/puteshestvie/brodyaga/ (дата обращения: 05.02.2026).

[2] Тюпа В. И. *Анализ художественного текста.* Москва: Академия, 2009, с. 39–40. EDN: QTXIYT

ность» (1967) и романа «Пушкинский дом» (1964–1971), а также более позднего романа-пунктира «Улетающий Монахов» (1990).

В книге «Поэтика пространства» Г. Башляр говорит о пространстве дома как о «пространстве переживаемом» человеком, которое «переживается <…> не в силу его объективных качеств, но со всей пристрастностью, на какую способно воображение»[1]. Дом – одно из «счастливых пространств», «всецело нам принадлежащих, защищенных от враждебных сил, пространств, нами любимых»[2].

А. Г. Битов уже в раннем своем сборнике «Дачная местность» очертил горизонты своего переживания пространства дома. Дом ощущается многомерным: он соединяет и разные пространства, и разные времена. Можно говорить о «гетеротопии усадьбы» (О. А. Богданова) и дачи в произведениях Битова, сочетании в одном времени нескольких пространств: сквозь распавшийся на враждущие части мир герою открывается внутреннее целое. В отличие от утопии, гетеротопия, в понимании М. Фуко, – это «реальные подлинные места», гетеротопия «имеет свойство сопоставлять в одном-единственном месте несколько пространств, несколько местоположений, которые сами по себе несовместимы»[3].

Как и в неореализме М. М. Пришвина и С. Н. Дурылина, где «усадебный топос» в годы Гражданской войны становится «топосом совладания»[4], рассыпающееся бытие у А. Г. Битова («на него накинулся мелкий и злобный, его раздробленный мир и вошел в него»[5]) собирается в творческом внимании писателя-странника.

Первая повесть сборника «Одна страна. (Путешествие Бориса Мурашова)» (1960) посвящена путешествию в Среднюю Азию. Архетип дома в повести – собирающий локус, через который мыслится пространство «одной страны» в ее различных измерениях. Пространство дома гетеротопично: как и «счастливое пространство» Г. Башляра, оно вмещает все обжитое как пространство «одной страны», где путешествие и возвращение домой становятся опытом инициации героя – обретением нового чувства мира и себя как части целого, которое его предшественник М. М. Пришвин называл «вселенским домом». Мотив путешествия сочетается с мотивом возвращения как обретения-собирания в каждом новом пространстве единой родины – одной страны: «я долго вышагивал по старому городу… Улицы метровой ширины и дома двухметровой высоты. Я шел, чуть не царапая плечами дувалы слева и справа. В гладких боках улочек время от времени были прорублены дырки и вставлены дверцы»[6]; «О, дом! У тебя – Ленинград, у меня – Уратюбе»[1].

---

[1] Башляр Г. *Избранное: поэтика пространства.* Москва: РОССПЭН, 2004, с. 23. EDN: QWGJCT

[2] Башляр Г. *Избранное: поэтика пространства.* Москва: РОССПЭН, 2004, с. 22. EDN: QWGJCT

[3] Фуко М. *Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью*, перевод с французского Б. М. Скуратова, ч. 3. Москва: Праксис. 2006, с. 196, 200.

[4] См. подробнее о «сюжетной схеме инициации» как составной части «гетеротопии усадьбы» в ст.: Кнорре Е. Ю. Усадьба и война в эго-документах 1918–1922 гг. (дневники М. Пришвина и С. Дурылина). *Новый филологический вестник*, 2023, № 2 (65), с. 109–122. https://doi.org/10.54770/20729316-2023-2-109; EDN: VRACXK

[5] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 199.

[6] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 14.

Как отмечает О. А. Богданова, «важным элементом “усадебной культуры”, отразившимся в русской классике, была также межнациональная широта и терпимость – то, что Ф. М. Достоевский в Пушкинской речи 1880 г. назвал “способностью к всемирной отзывчивости” <…> В самом деле, указанная им “отзывчивость” проявлялась не только во владении языками западноевропейских и древних восточных культур, но и в обращенности к малым народам, населявшим империю, во включенности их в общероссийский контекст»[2].

Традиция родного и вселенского измерения дома-страны соединяет творчество А. Г. Битова с усадебной литературой XIX в., с А. С. Пушкиным, М. Ю. Лермонтовым, Л. Н. Толстым, где мир иных народов (в частности, кавказских горцев) осваивается как близкий и родной. В его путешествиях диаметральные полюса бывшей Российской империи – юга (Армения, Грузия), востока (Ташкент, Фергана, Уратюбе и т. д.), северо-востока (Омск, Иркутск, Хабаровск) и др., становятся различными локусами единого пространства родины, которую собирает душа странствующего героя.

Переживание новых земель как «счастливого пространства» «одной страны», где герой всегда найдет дом («Я отыскал и улицу, и дом. Здесь меня накормят и напоят»[3]), появится позже и в других путешествиях А. Г. Битова – в «Уроках Армении» (1969) и «Грузинском альбоме» (1985). Библейские мотивы позволяют выявить эсхатологический подтекст странствий, выводя их в метафизическое измерение духовной географии, где странником ковчега оказывается все человечество, которое, подобно Ною, находит в новых землях родное чувство дома: «Как естественно, что Ной приплыл именно сюда! Нет, он не сел на скалу Арарата, он причалил. Он не знал другой земли и приплыл на ту же землю. <…> Переселенец ставит новый сруб в том месте, в котором способен узнать родину»[4].

Собирание дома в пространстве переходит в расширение дома во времени. Вторая повесть сборника «Путешествие к другу детства. (Наша биография)» (1963–1964) соединяет ретроспективу – воспоминания детства – и перемещение в пространстве, на Север, из Ленинграда в Хабаровск. Пространственное измерение времени проступает через полюса Дальнего Востока и Средней Азии (сквозной параллельный сюжет о детстве в Ташкенте и подвигах вулканолога Генриха Штейнберга). Письмо другу – это внутренний монолог, который длится во время перелета: «Вдруг в самолете я легко представил, что вовсе я не из дому лечу, а наоборот – домой возвращаюсь. Полная иллюзия. Словно летают все время одни и те же люди, и перезнакомишься один раз в самолете – потом всю жизнь встречать будешь»[5]. Самолет предстает как некое объединяющее пассажиров пространство дома-корабля,

[1] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 22.

[2] Богданова О. А. Невидимые звенья «усадебного сверхтекста». *Вестник славянских культур,* 2023, т. 69, с. 229–230. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-224-236; EDN: DPNSMQ

[3] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 15.

[4] Битов А. Уроки Армении. Путешествие в небольшую страну. *Дружба народов,* № 5, 2017. URL: https://magazines.gorky.media/druzhba/2017/5/uroki-armenii.html (дата обращения: 05.02.2026).

[5] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 84.

где внешняя география перемещения воздушного судна и внутренняя география полета души героя объединяют разнородные пространства в одно целое.

Два других путешествия сосредотачиваются в пространстве душевного мира героя. В повести «Сад» (1962–1963) Алексей пытается осмыслить свою любовь к Асе. Действие внешне и внутренне строится вокруг образа «сада», вмещающего несколько пространств и времен. Это и Ботанический сад, рядом с которым живет Алексей, одновременно это и сад какого-то другого времени и героя. Сквозь сад вдруг просвечивает пространство деревни, запах сена, подобно печенью Мадлен в романе М. Пруста, напоминает герою те места, в которых он никогда не бывал («Уже было так когда-то: и этот стог, и зима, и так же стояли деревья, и он, маленький мальчик с незнакомым лицом… Это было словно бы в детстве, но не в этом, а в другом – в одной из своих прошлых жизней»[1]). Мотив встречи с возлюбленной в саду отсылает к любовным сюжетам усадебных романов И. С. Тургенева, рассказов И. А. Бунина, А. П. Чехова («Был прекрасный сад, и они там были вдвоем»[2]). В завершении повести образ сада приобретает черты вечного мира – «сознание того, что этот сад приснится через десять, двадцать, тысячу лет»; «Он испытывал нежность к саду, ему не хотелось возвращаться домой»[3]. Подобно раю, вечный сад таит в себе загадку и исток всякой любви («Вдруг, словно бы без всякого повода, следовало описание прекрасного сада <…> про бога он пропустил, но рассуждение о том, откуда же любовь <…> если не от нее и не из него, то откуда же? – очень поразило его»[4].

Дача-остров-корабль

Повесть «Жизнь в ветреную погоду (дачная местность)» (1963–1964) завершает и обобщает страннические сюжеты сборника. Повесть написана на даче недалеко от тогдашнего Ленинграда, в пригородном Токсове. Селение Токсово как дачная местность начало складываться в середине XVIII в. Император Александр I называл Токсовские холмы «Петербургской Швейцарией». В XIX–XX вв. здесь отдыхают известные писатели, музыканты и художники, среди которых Иван Крылов, Алексей Венецианов, Карл Брюллов, Михаил Глинка, Самуил Маршак, Сергей Прокофьев и др.

Дачное путешествие замыкает горизонты больших странствий на юг и восток. Как и ранее, в центре сюжета повести – мотив возвращения домой. «Топосом инициации» становится дачная местность – дачный дом и окружающая его природа, где замедляется время: «переезд на дачу стал для него действительно переселением: изменились все параметры его существования, и время – в первую очередь»[5]. Траектория путешествия, в отличие от города, казалось бы, сокращается: «он <…> проложил маршруты к озеру и в магазин, и, когда опять очутился дома, было по-прежнему рано: в городе он бы еще спал»[6]. Но вместе с этим видимым малым маршрутом

[1] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 172.
[2] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 169.
[3] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 170.
[4] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 186.
[5] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 190.
[6] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 190.

открывается более существенный путь – путь возвращения к подлинному и живому – инициация в творчестве.

Э. Г. Шестакова на примере творчества И. А. Бунина говорит о пространстве дачи и курорта как об «изначально промежуточных местах, но значимых именно этой временностью, переходностью»[1]. Однако в случае А. Г. Битова дача героя представлена не как место временное и случайное, а как место давно обжитое, старый дом, корнями вросший в землю: «дача, все еще не достроенная, уже начала ветшать, сруб, так и не обшитый, почернел еще больше, и вся она, так нелепо и безвкусно торчавшая раньше, как бы обжилась, вросла и впервые понравилась ему»[2].

Образ «дачи» как некоего собирающего весь сборник пространства не случайно выбран А. Г. Битовым в качестве заглавия, обозначающего ключевую идею книги. Найденные ранее измерения (север и юг, запад и восток; райское измерение образа «сада» – места, где рождается любовь, соединяющая разрозненные части земли в целое) объединяются в символическом образе дачи как пространстве творческого собирания жизни – преображения жизни рутинной, распадающейся (шумная жизнь города), возвращения от стирающей имена и лица цивилизации к первозданной «пустоши», где герой начинает детскими глазами сына различать вновь, как Адам в раю, имена твари, открывая подлинное, не книжное, незыблемое ветрами времени измерение жизни: «Он водил сына по поселку, как по огромному букварю… <…> Он говорил сыну: вот дерево, вот мальчик, вот дом <…> Он ощущал нечто гениальное в этой назывной простоте вещей и слов, и ему казалось, он находится на каком-то высшем пороге, за которым-то все и начинается, и что на этом пороге новой логики, нового мышления, нового мира, наверно, что редко кто стоял»[3].

«Дачный топос» А. Г. Битова тяготеет к пушкинскому пониманию усадьбы как места творчества, уединенного в глуши кабинета, где герой чувствует коренную связь с окружающим его миром. Как отмечает Е. Е. Дмитриева, «и все же для тех, кто собственно и составил определенные вехи в истории русской усадьбы, она означала прежде всего Дом, где люди живут (в то время как в городе – гостят). Это же отношение отражено и в известной формуле Пушкина из неоконченного “Романа в письмах”: “Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет” <…>. Это же отношение к усадьбе всегда поддерживал и Лев Толстой»[4].

Образ дачного дома рифмуется с образами сада и леса, символизирует проявляемое сквозь меридианы времени собирающее пространство целого – «корабль-ковчег»: «Он выбрал второй, не достроенный еще этаж и внес туда стол, стул, нехитрый свой инвентарь. Времени за это время никакого не прошло. Оно

[1] Шестакова Э. Гетеротопии города-дачи-курорта в мире И. А. Бунина. *Гетеротопии: миры, границы, повествование*: сборник научных статей. Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2015, с. 297.

[2] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 189.

[3] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 213.

[4] Дмитриева Е. Е. Русская усадьба: семантика, топос и хронос. *Имагология и компаративистика,* 2019, № 11, с. 142. https://doi.org/10.17223/24099554/11/6; EDN: CUEJOV

по-прежнему представлялось ему штилевым морем, его необходимо переплыть <…> Четыре окна открывались на все четыре стороны света. Они были на уровне крон»[1].

Метафора дома-корабля расширяется до собирающего пространственный, видимый мир и музыкальный мир звуков органа-собора: «и тогда уже не ветер, а этаж понесся с такой скоростью, что рассекал воздух и образовывал ветер, – замелькали, проносясь в окнах, деревья, леса и горы, сливаясь в неразличимую полосу. <…> можно было, слившись с ним, ощущать его напряжение, натяжку всяких там стропил, столбов, свай <…> все в целом он называл то кораблем, то органом»[2]. Постепенно ветер уходит и проявляется остов незыблемого мира, дом ощущается как звучащий собор: «потолка над ним не было – была сразу крыша. Она то уходила вверх острыми углами, то приближалась к нему тупыми – это он называл про себя – сводами, тогда все его помещение обозначилось как собор, что уж совсем соединилось с представлением органа»[3].

Мотив дома-корабля переходит в образ дома-острова, осмысляемый двояко: это остров, который, подобно соловьиному саду или острову сирен в странствиях Одиссея, удерживает героя в иллюзии счастливой жизни. Такой остров герой покидает, проводив гостей до электрички: «им овладело ощущение отрезанности от мира, и это было хорошо, остров… действительно, остров!»[4]. Однако, возвращаясь назад, он с благодарностью ощущает свою жизнь в семье, с женой и сыном как остров подлинного счастья, который хочется удержать и запомнить.

Аптекарский остров: научный институт и его «райский» ландшафт

Метафора собирающего пространство и время дома-собора развертывается и в ключевом романе А. Г. Битова «Пушкинский дом» (1964–1971).

Роман, написанный в эпоху оттепели, исследователи сравнивают с «Домом на набережной» (1976) Ю. В. Трифонова. Однако в отличие от него «<…> ни до, ни после “Пушкинского дома” Битов в художественной прозе не обращался к историко-политическим реалиям, суждениям и оценкам. Зато культурологическая проблематика, соединяемая с антропологическими, метафизическими, теологическими рефлексиями, занимает все более важное место в его произведениях»[5].

А. Г. Битов выходит из политического измерения, заостряющего злободневный конфликт времени, и строит пространство сложного исторического развития, где сквозь современную эпоху проявляется другое, прежнее время как неисчерпанная основа и источник культурной жизни.

Современность воплощается в образе дома без фундамента на окраинах города: «вышел он, как над обрывом – такая коробища! Смотрю – так он же просто на землю положен, ну, просто, как спичечный коробок <…> И живут все в этом доме, из трухи

[1] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 190.
[2] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 190.
[3] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 191.
[4] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 221.
[5] Амусин М. Ф. Несходство близкого. О художественных мирах Ю. Трифонова и А. Битова. *Вопросы литературы*, 2016, № 1, с. 132. EDN: WARCNF

сделанном, на землю просто так положенном»[1]. Антитезой новым постройкам изображен исторический центр города, Петербург посреди Ленинграда – пространство, обустроенное по усадебной модели XIX в.

Главный герой романа Лева Одоевцев представлен как человек старого города-музея, похожего на усадебный дом: он «*жил* в этом музее, ни один его житейский маршрут не пролегал за пределы музейных же проспектов-коридоров и зал-площадей»[2]. Дом Одоевцевых расположен на Аптекарском острове Петербурга, который, по преданию, еще до Петра I носил финское название Корписаари, что означает «глушь», «дремучий лес», или от «корппи», по-русски – «ворон». Дикий лесистый остров, удаленный от центра города, становится впоследствии особым заповедным пространством, усадебно-дачной утопией, уединенным раем вдали от современной жизни. Символом острова стал упомянутый ранее Ботанический сад, созданный Петром I, где собраны растения со всего мира. При Александре I Аптекарский остров получил известность особой дачной местности. В первые десятилетия XIX в. на Аптекарском острове появились усадьбы с большими пейзажными парками, многочисленными беседками и гротами. Здесь, в частности, располагались усадьбы купца В. Ф. Громова, князей Вяземских и Э. Г. Игеля. Усадьбы строились как двухэтажные особняки в русском стиле – с резными наличниками, ставнями и коньками. В них устраивали птичники, теплицы, а также оранжереи для прогулок и отдыха. Рядом строились домики для сдачи внаем, где петербургские чиновники могли отдохнуть после трудового дня в городе.

Несмотря на то, что А. Г. Битов считается лидером городской прозы 1960-х гг., которого критики противопоставляли писателям деревенской прозы, он «<…> тоже писатель-почвенник. Его малая родина – не вообще Ленинград, а его особый и достаточно автономный локус – Аптекарский остров. “Тихая у нас улица… Совсем рядом гудит туго натянутая магистраль: автобусы, люди, люди, машины. А здесь – тихо. Речка без набережной. Мост деревянный. А все остальное – сад. И мой дом”»[3].

В «Пушкинском доме» пространство Аптекарского острова посреди шумного современного Ленинграда описано как особое место тишины и гармонии. Дом стоял «на пустой и красивой старой улице, прямо напротив знаменитого Ботанического сада и института»[4]. Сам дом, оформленный в стиле либерти[5], представлял эклектическое сращение нескольких слоев времени – «вне всякой симметрии и, однако, с каким-то, с легкостью давшимся, чувством целого»[6].

Ландшафт вынесенного за границы современности городского пространства представляется главному герою в идиллических тонах как «тихая юдоль науки», где

[1] Битов А. Г. *Пушкинский дом.* Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 85.
[2] Битов А. Г. *Пушкинский дом.* Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 60.
[3] Бочаров С. На Аптекарский остров. *Бочаров С. Сюжеты русской литературы*. Москва: Языки русской культуры, 1999, с. 540.
[4] Битов А. Г. *Пушкинский дом.* Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 23.
[5] Стиль либерти сформировался под влиянием барочной эклектики форм и получил свое название в честь Артура Лазенби Либерти и основанного им в 1874 г. в Лондоне магазина, который специализировался на импорте украшений, текстиля и предметов искусства из Японии и стран Дальнего Востока.
[6] Битов А. Г. *Пушкинский дом.* Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 22–23.

«вдали от шума, от всей этой гремящей техники, люди заняты своим серьезным делом, своими растениями»[1]. Здесь «самозабвенно и благородно трудятся люди в <…> большом белоколонном здании, а также в старинных, чуть ли не елизаветинских, деревянных домиках-лабораториях, разбросанных там и сям по прекрасному парку»[2].

Сложный палимпсест «криптоусадебной мифологии» А. Г. Битова можно выявить в контаминации созерцательного садово-паркового пространства XIX в. и социально заостренного, динамичного пространства советского времени, которая проявляется в описании вторгающейся в медленно текущее идиллическое время научного мира – политической реальности, когда «во время выборов в Советы, в Ботаническом институте помещался их избирательный пункт»[3].

«Криптоусадебная мифология» в романе может рассматриваться в составе петербургского текста[4], а также пушкинского мифа самого А. Г. Битова. Ведь двойственность усадебной культуры проявляется уже у А. С. Пушкина, определившего «в стихотворении “Деревня” <…> две стороны усадебного топоса: усадьба как “приют спокойствия, трудов и вдохновения” и усадьба как место рабского труда и разврата»[5]. Райский ореол уединенного пространства научной жизни острова (своеобразного «города-сада» ученых, объединенных творческим делом, прообразом которого можно считать артистическую усадьбу-коммуну в Ворпсведе[6], ставшую основой концепции «города-сада» в советское время) несет в себе положительные коннотации «усадебного мифа» начала XX в. как топоса творчества, «трудов и вдохновения». Одновременно в жизненном мире Левы усадьба, которой у него нет, приобретает черты уютного мирка, отгораживающего героя от реальной жизни, возвышающего его над окружением, которое оставалось «внизу»: «он перестал отмечать про себя внешний мир. Внешний мир был тоже книжкой <…> он стоял в кавычках, он только что не был переплетен… И Лева, конечно, дружил с сыном дворника, его потягивало вниз, на капустный запах, он обижался, когда чего-нибудь там, среди “них”, не понимал, или его не принимали в компанию, или смеялись над его непониманием <…> Но все это было, за отсутствием усадьбы, приусадебными службами, а родители Левы были вовсе не против того, чтобы тот “понемногу узнавал жизнь”»[7].

«Сюжетная схема инициации» героя, как и в «Дачной местности», становится основой его прохождения через «смерть»: из книжного мира готовых фраз – рождения в живое собственное слово. Местом рождения становится центральный образ романа – дом на набережной – «бывший дворец, а ныне НИИ, научный центр миро-

[1] Битов А. Г. *Пушкинский дом.* Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 23.
[2] Битов А. Г. *Пушкинский дом.* Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 23.
[3] Битов А. Г. *Пушкинский дом.* Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 23.
[4] Топоров В. Н. *Петербургский текст русской литературы*: избранные труды. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2003, с. 84. EDN: VNJOIJ
[5] Дмитриева Е. Е. Русская усадьба: семантика, топос и хронос. *Имагология и компаративистика*, 2019, № 11, с. 141. https://doi.org/10.17223/24099554/11/6; EDN: CUEJOV
[6] Дмитриева Е. Е. Артистическая усадьба-коммуна в Ворпсведе: между Германией и Россией. *Русская словесность*, 2020, № 6, с. 37–44. EDN: LWPGPF
[7] Битов А. Г. *Пушкинский дом.* Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 117.

вого значения»[1] – Пушкинский дом. Именно здесь «усадебный» замкнутый мир книжного слова героя размыкается в «усадебный», но уже живой, творческий, почти вакхический пир – дионисийское разрушение, карнавал, который «переворачивает» смерть в новую жизнь.

Пушкинский дом – «органическая империя» Битова

Метафора дома-музея продолжает мотив дома-корабля, «воздушного судна», дачи-собора, окна которого распахнуты на все стороны света. Как и оформленный в растительном стиле либерти «живой» дом Левы, Пушкинский «город-дом» изображен в движении, не растущим в вертикаль, но разомкнутым в горизонталь на все четыре стороны света: «А может, и так, без крыши? Чтобы стоял среди щепок, сквозя окнами во все стороны света: южный сквозняк, восточный лес, западный сосед, северный проселок?»[2].

А. Г. Битов следующим образом трактует символический смысл заглавия романа: «<…> и русская литература, и Петербург (Ленинград), и Россия, – все это, так или иначе, ПУШКИНСКИЙ ДОМ без его курчавого постояльца… Академическое же учреждение, носящее это имя, позднейшее в таком ряду»[3]. Лирические отступления в романе, как и в пушкинском «Евгении Онегине», продолжают сюжет странствий самого автора – собирания утраченной родины. Пушкинский дом оказывается островом живого мира, порождающим пространство империи как органического целого: «<…> нам важно изучить Россию в границах Пушкинского века <…> еще предстоит Финляндия и Аляска, прежде чем мы решимся выехать в Западную Европу или, скажем, в Японию <…> безнадежное стремление построек вверх, эту несчастную вертикаль, вызванную в нас малой площадью петербургского участка, хотим мы, в мечтах, претворить в горизонталь – для свободного и безвольного размещения в пространстве путешествия и в гостиничной принадлежности бытию… У нас далеко идущие планы: нам хочется понять страну в состоянии Империи»[4].

В своей историософии А. Г. Битов различает государство и органическое целое империи: «Империи нелегко не потому, что она такая злобная и воинственная, а потому, что это организм! Это теплый организм! Расчленить его оказалось слишком болезненно для всех! В отличие от государства, империя – это живой организм! Тем более территориальная империя»[5]. Советский Союз, по его мнению, является продолжением «территориальной империи»: «Дело в том, что я хорошо понимал, что СССР – империя. Думал о ней всю жизнь. И это определение родилось у меня, может быть, где-то в Армении, для которой турки были страшнее России»[6].

[1] Битов А. Г. *Пушкинский дом.* Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 123.
[2] Битов А. Г. *Пушкинский дом.* Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 288.
[3] Битов А. Г. *Пушкинский дом.* Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 402.
[4] Битов А. Г. *Пушкинский дом.* Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 288–289.
[5] Чхаидзе Е. К. «Россия – преждевременная страна…» Андрей Битов о себе, об Империи, о русском языке и литературе. *Вопросы литературы*, 2019, № 6, с. 130. https://doi.org/10.31425/0042-8795-2019-6-117-132; EDN: ZZPLHE
[6] Чхаидзе Е. К. «Россия – преждевременная страна…» Андрей Битов о себе, об Империи, о русском языке и литературе. *Вопросы литературы*, 2019, № 6, с. 121. https://doi.org/10.31425/0042-8795-2019-6-117-132; EDN: ZZPLHE

В 1990-е гг. А. Г. Битов продолжает мотив собирания утраченной теперь уже дважды «империи» (Советский Союз, как уже было сказано, для Битова тоже империя). В своей тетралогии «Империя в четырех измерениях» (1960–2011) писатель прочерчивает утраченные связи мира. Подобно эмигрантам, потерявшим родину, А. Г. Битов видит ушедшую навсегда в даль страну как некий архипелаг, части которого он пытается собрать теперь в слове.

В романе-пунктире «Улетающий Монахов» (1990), вошедшем в первое измерение «империи», появляется рифма к «Дачной местности» раннего А. Г. Битова. Усадебно-дачный топос возникает здесь уже в московском загородном мире. Если в «Дачной местности» в центре повествования дача в знаменитом дачном уголке Токсове в окрестностях Петербурга, а в «Пушкинском доме» усадебно-дачный топос дан прикровенно в уединенном садово-парковом ландшафте творческой «коммуны» Аптекарского острова, то здесь контаминация советского коллективного «города-сада» и «приюта трудов и вдохновения» пушкинского Золотого века проявляется в изображении писательского поселка Переделкино: «Поселок дачного типа, – вдруг сказал он. “Зона отдыха трудящихся Одинцовского района”, – красовалось на платформе»[1].

Как и Сергей из повести «Жизнь в ветреную погоду (дачная местность)», главный герой романа-пунктира Алексей Монахов устремляется сюда в надежде убежать от городской путаницы своей жизни и найти уединение в творчестве. Однако мир предстает уже готовым, «выпитым до него», названным и прожитым не им: «Вид из окна был испит, в лице его не было ни кровинки, а Монахову предстояло два месяца вглядываться в него, черпая жизнь и равновесие. <…> Кто же это высмотрел дотла?»[2]. Ландшафт писательского поселка не вдохновляет героя, его заслоняет фигура другого поэта – жившего и до сих пор живого во всей памяти места: «“Я живу напротив могилы…”, – повторял Монахов, нажимая на “живу”»[3]. Воспоминание о «Гамлете» в переводе Б. Л. Пастернака переводит оптимистическое «советское пространство» писательских дач в область эсхатологии последних вопросов о смысле жизни и смерти. «Зона отдыха трудящихся» переходит в ландшафт «вечного мира». Дачный поселок находит свое завершение в пространстве церкви и кладбища: «одна лишь церковь на пригорке горела с тою же силою, что и в стихах: “как печатный пряник”. Радовала глаз. Из-под нее, вниз по склону, вплоть до речки, спадало кладбище, на котором и был похоронен поэт»[4]. Именно в поисках его могилы, которую называют «сокровенной», устремляются герои на кладбище. Этот небольшой маршрут становится началом сюжета инициации Монахова, который, блуждая в поисках «заговоренной» могилы, чувствует себя пока только наполовину живым.

[1] Битов А. Г. *Улетающий Монахов: роман-пунктир.* Москва: Молодая гвардия, 1990, с. 130.
[2] Битов А. Г. *Улетающий Монахов: роман-пунктир.* Москва: Молодая гвардия, 1990, с. 130.
[3] Битов А. Г. *Улетающий Монахов: роман-пунктир.* Москва: Молодая гвардия, 1990, с. 130.
[4] Битов А. Г. *Улетающий Монахов: роман-пунктир.* Москва: Молодая гвардия, 1990, с. 131.

Подобно гоголевским «Мертвым душам», пространство мертвых оказывается «живым». На кладбище и сам герой постепенно оживает, начинает «воскрешать» подземных жителей, представлять их живыми собеседниками. Кладбищенский маршрут продолжается в другом эпизоде повести, где герой уже на Хованском кладбище хоронит свою бабушку-графиню. Вновь сквозь пространство настоящего проступает усадебный ландшафт прошлого. Герой вспоминает «Пиковую даму» А. С. Пушкина и усадебное прошлое своей бабушки, ключевой топос утраченного уже времени возрождается, как и в «Пушкинском доме», в карнавальном образе усадебного пира, жизнеутверждающее настроение которого перекрывает и все горести последующего времени: «Бабка смеялась и рассказывала почему-то именно с весельем, что они едали у себя в поместье (“в той жизни”, – смеясь, говорила она), ели они, получалось, все время и много (вкусно, само собой) <…> Дальше почему-то, с тем же колокольчиком смеха, шел рассказ об аресте (вхожу в камеру: мне: “Ставь самовар!”, а я по сторонам зыркаю, где он? а надо было ответить: “Варенье под столом” <…>»[1].

Кульминацией пробуждения героя от смерти к жизни становится эпизод похорон, где оказывается, что единственной живой землей посреди глинистой кладбищенской почвы становится горстка земли родного имения, которая, как маленький островок-остов живого мира, станет залогом и будущей жизни вокруг: «Была еще железненькая, дореволюционная еще, коробочка из-под зубного порошка с землею из родного имения (Псковской губернии), единственное, что осталось у старушки, кроме шляпки. Монахов, потрясенный, машинально ее открыл и закрыл, потрясенный еще больше: земля была старая, тоже как пепел. Эту коробочку она хранила, чтобы быть похороненной в своей земле»[2]. Мотив возвращения в родное имение завершает эпизод похорон, являя собой топос преодоления смерти, преображения каменной земли в родное целое: «Будто бабка знала, что не будет более земли, как в этой коробочке!.. И ведь внесла, последнее, что сделала, внесла единственную живую щепоть на эту глину…»[3].

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что «криптоусадебная мифология» А. Г. Битова формируется как часть петербургского мифа писателя, его китежской вариации, где пушкинско-гоголевский «живой» и «мертвый» мир («Пиковая дама», «Гробовщик», «Мертвые души») образуют своеобразное двоемирие – гетеротопию усадебно-дачного топоса А. Г. Битова.

Усадьба у А. Г. Битова понимается в пушкинском ореоле как место творчества, открывающее человеку жизнь, расширяющее его сознание в горизонты большого мира. Пространство видимого города, современных Ленинграда и Москвы, приго-

[1] Битов А. Г. *Улетающий Монахов: роман-пунктир.* Москва: Молодая гвардия, 1990, с. 143.
[2] Битов А. Г. *Улетающий Монахов: роман-пунктир.* Москва: Молодая гвардия, 1990, с. 142.
[3] Битов А. Г. *Улетающий Монахов: роман-пунктир.* Москва: Молодая гвардия, 1990, с. 147.

родных дачных местностей Токсова и Переделкина, где герой начинает свой духовный поиск, подобно Гамлету Б. Л. Пастернака, проявляет невидимый, целостный ландшафт подлинного мира, возвращающего героя к органическому целому жизни. Этим целым становится вновь обретенный загородный мир дачи, усадебные следы в родном городе, «органическая империя» как ковчег, сохраняющий живую землю будущего мира.

Список литературы / References

Амусин М. Ф. Несходство близкого. О художественных мирах Ю. Трифонова и А. Битова. *Вопросы литературы,* 2016, № 1, с. 116–141. EDN: WARCNF

Amusin M. F. Dissimilarity of the close. On the artistic worlds of Yu. Trifonov and A. Bitov. *Russian Studies in Literature*, 2016, no 1, pp. 116–141. (In Russ.) EDN: WARCNF

Башляр Г. *Избранное: поэтика пространства.* Москва: РОССПЭН, 2004. 376 с. EDN: QWGJCT

Bashliar G. *Selected works: Poetics of space.* Moscow: ROSSPEN, 2004. 376 p. (In Russ.) EDN: QWGJCT

Битов А. Г. *Дачная местность. Повести.* Москва: Советская Россия, 1967. 224 с.

Bitov A. G. *Summer cottage area. Stories.* Moscow: Sovetskaia Rossiia, 1967. 224 p. (In Russ.)

Битов А. Г. *Пушкинский дом.* Анн Арбор: Ardis, 1978. 412 с.

Bitov A. G. *Pushkin house.* Ann Arbor: Ardis, 1978. 412 p. (In Russ.)

Битов А. Г. *Улетающий Монахов: роман-пунктир.* Москва: Молодая гвардия, 1990. 150 с.

Bitov A. G. *The Flying Monakhov: A Dotted Novel.* Moscow: Molodaia gvardia, 1990. 150 p. (In Russ.)

Битов А. Г. Уроки Армении. Путешествие в небольшую страну. *Дружба народов,* № 5, 2017. URL: https://magazines.gorky.media/druzhba/2017/5/uroki-armenii.html (дата обращения: 05.02.2026).

Bitov A. G. Lessons of Armenia. A Journey to a small country. *Druzhba Narodov*, no. 5, 2017. Available at: https://magazines.gorky.media/druzhba/2017/5/uroki-armenii.html (accessed: 05.02.2026). (In Russ.)

Богданова О. А. Готический модус и криптоусадебная мифология в литературе СССР (А. П. Гайдар и др.). Богданова О. А. *Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность*, ответственный редактор – М. В. Скороходов. Серия: Русская усадьба в мировом контексте, вып. 9. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2024, с. 83–105.

Bogdanova O. A. Gothic mode and crypto-estate mythology in the literature of the USSR (A. P. Gaidar and others). Bogdanova O. A. *Hermeneutics of the literary estate: Theory, history, modernity: Monograph,* edited by M. V. Skorokhodov. Series: Russian Estate in a Global Context, iss. 9. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2024, pp. 83–105. (In Russ.)

Богданова О. А. Невидимые звенья «усадебного сверхтекста». *Вестник славянских культур*, 2023, т. 69, с. 224–236. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-224-236; EDN: DPNSMQ

Bogdanova O. A. Invisible links of the “Estate supertext”. *Bulletin of Slavic Cultures*, 2023, vol. 69, pp. 224–236. (In Russ.) https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-224-236; EDN: DPNSMQ

Богданова О. А. Феномен «усадебности» и контекстуальный подход к литературной усадьбе начала XXI в. *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2024, № 2 (103), с. 157–160. https://doi.org/10.33979/1998-2720-2024-102-2-157-160; EDN: GQENWG

Bogdanova O. A. The phenomenon of “homesteadness” and the contextual approach to the literary estate of the early 21th century. *Scientific notes of Orel State University*, 2024, vol. 2, no. 103. 2024, pp. 157–160. (In Russ.) https://doi.org/10.33979/1998-2720-2024-102-2-157-160; EDN: GQENWG

Бочаров С. На Аптекарский остров. *Бочаров С. Сюжеты русской литературы*. Москва: Языки русской культуры, 1999, с. 535–550.

Bocharov S. To Aptekarsky island. *Bocharov S. Plots of Russian literature.* Moscow: Iazyki russkoĭ kul’tury, 1999, pp. 535–550. (In Russ.)

Дмитриева Е. Е. Артистическая усадьба-коммуна в Ворпсведе: между Германией и Россией. *Русская словесность*, 2020, № 6, с. 37–44. EDN: LWPGPF

Dmitrieva E. E. Artistic commune estate in Worpswede: Between Germany and Russia. *Russkaia slovesnost*, 2020, no. 6, pp. 37–44. (In Russ.) EDN: LWPGPF

Дмитриева Е. Е. Русская усадьба: семантика, топос и хронос. *Имагология и компаративистика*, 2019, № 11, с. 140–173. https://doi.org/10.17223/24099554/11/6; EDN: CUEJOV

Dmitrieva E. E. Russian country estate: Semantics, Topos and Chromos. *Imagology and comparative studies*, 2019, no. 11, pp. 140–173. (In Russ.) https://doi.org/10.17223/24099554/11/6; EDN: CUEJOV

Кнорре Е. Ю. Неомифология усадьбы в романе А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина». *Вестник Костромского государственного университета*, 2025, т. 31, № 3, с. 19–26. https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-19-26; EDN: IZVRGJ

Knorre E. Iu. Neo-mythology of the estate in A. M. Gorky’s novel “The Life of Klim Samgin”. *Vestnik of Kostroma State University*, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 19–26. (In Russ.) https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-19-26; EDN: IZVRGJ

Кнорре Е. Ю. Усадьба и война в эго-документах 1918–1922 гг. (дневники М. Пришвина и С. Дурылина). *Новый филологический вестник,* 2023, № 2 (65), с. 109–122. https://doi.org/10.54770/20729316-2023-2-109; EDN: VRACXK

Knorre E. Iu. Estate and war in ego-documents of 1918–1922 (Diaries of M. Prishvin and S. Durylin). *The New Philological Bulletin*, 2023, no. 2 (65), pp. 109–122. (In Russ.) https://doi.org/10.54770/20729316-2023-2-109; EDN: VRACXK

Кнорре Е. Ю. Усадьба-санаторий и город-сад: «счастливые пространства» в романе Н. А. Островского «Как закалялась сталь». *Studia Litterarum*, 2024, т. 9, № 3, с. 328–345. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-328-345; EDN: NGAGMM

Knorre E. Iu. Estate-sanatorium and garden city: “happy spaces” in the novel “How the Steel Was Tempered” by N. A. Ostrovsky. *Studia Litterarum*, 2024, vol. 9, no. 3, pp. 328–345. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-328-345; EDN: NGAGMM

Смирнова Н. Бродяга. *STORY. Интернет-журнал.* URL: https://story.ru/istorii-znamenitostej/puteshestvie/brodyaga/ (дата обращения: 05.02.2026).

Smirnova N. Vagabond. *STORY. Online journal.* Available at: https://story.ru/istorii-znamenitostej/puteshestvie/brodyaga/ (accessed: 05.02.2026). (In Russ.)

Топоров В. Н. *Петербургский текст русской литературы: избранные труды.* Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2003. 616 с. EDN: VNJOIJ

Toporov V. N. *The Petersburg text of Russian literature. Selected works.* St Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2003. 616 p. (In Russ.) EDN: VNJOIJ

Тюпа В. И. *Анализ художественного текста.* Москва: Академия, 2009. 336 с. EDN: QTXIYT

Tiupa V. I. *Literary text analysis*. Moscow: Akademiia, 2009. 336 p. (In Russ). EDN: QTXIYT

Фуко М. *Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью*, перевод с французского Б. М. Скуратова, ч. 3. Москва: Праксис. 2006. 320 с.

Fuko M. *Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews*, translated from French by B. M. Skuratov, part. 3. Moscow: Praksis, 2006. 320 p. (In Russ).

Чхаидзе Е. К. «Россия – преждевременная страна…» Андрей Битов о себе, об Империи, о русском языке и литературе. *Вопросы литературы,* 2019, № 6, с. 117–132. https://doi.org/10.31425/0042-8795-2019-6-117-132; EDN: ZZPLHE

Chkhaidze E. K. “Russia is a premature country…” Andrei Bitov about himself, about the Empire, about the Russian language and literature. *Russian Studies in Literature,* 2019, no. 6, pp. 117–132. (In Russ.) https://doi.org/10.31425/0042-8795-2019-6-117-132; EDN: ZZPLHE

Шестакова Э. Гетеротопии города-дачи-курорта в мире И. А. Бунина. *Гетеротопии: миры, границы, повествование*: сборник научных статей. Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2015, с. 295–306.

Shestakova E. Heterotopies of the city-dacha-resort in the world of I. A. Bunin. *Heterotopias: Worlds, Boundaries, Narration*: Collection of Scientific Articles. Vilnius: Vilnius University, 2015, pp. 295–306. (In Russ.)

Сведения об авторе

Елена Юрьевна Кнорре – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, https://orcid.org/0000-0002-3272-8659, Lena12pk@yandex.ru, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (д. 25А, стр. 1, ул. Поварская, 121069 Москва, Россия); доцент кафедры философии и религиоведения Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (д. 6, стр. 1, Лихов пер., 127051 Москва, Россия); **Elena Yu. Knorre** – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, https://orcid.org/0000-0002-3272-8659, Lena12pk@yandex.ru, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (25A, str. 1, ul. Povarskaya, 121069 Moscow, Russia); Associate Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, Orthodox Saint Tikhon University for the Humanities (6, str. 1, Likhov per., 127051 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 14.02.2026; одобрена после рецензирования 05.04.2026; принята к публикации 26.05.2026.

The article was submitted 14.02.2026; Approved after reviewing 05.04.2026; Accepted for publication 26.05.2026.